

УРБАНИСТИКА

ГОРОД

Вадим Басс: Здание всегда говорит о нас, оно всегда — свидетельство

Интервью с историком архитектуры о стилях городов, подходах к освоению пространства и последствиях «украшательства» в угоду заказчикам

Ольга Дерягина

— Вадим, поделитесь, пожалуйста, своими впечатлениями от посещения Перми. У этого города есть свой стиль?

— Разговор о стиле города, скажем так, «многослойный», и за ним стоит длительная традиция. Так, уже 100 лет назад, в 1911 году, архитектор Владимир Карпович на IV съезде русских зодчих сделал доклад под характерным названием «О сохранении художественного облика городов». И идея его сводилась к тому, что каждый город имеет — цитата — «свой стиль, который должен быть проводим... как для частных, так и для общественных зданий». То есть развивать город следует исходя из исторической традиции, жёстко регламентируя стиль застройки. Впрочем, коллеги Карповича тогда эту идею раскритиковали.

К 2018 году у большинства российских городов имеется некая кумулятивная, накопленная история и градостроительная основа. Очевидно, что в Перми есть ядро исторической застройки от основания в XVIII веке Егосихинского медеплавильного завода и посёлка при нём, есть много интересных зданий XIX — начала XX столетия, при этом стороннему наблюдателю сразу бросается в глаза обилие советской архитектуры разного качества. Опять-таки, на мой поверхностный, дилетантский взгляд, центр выглядит весьма «советским», при этом среди построенного там в 1960–1980-е есть очень достойные вещи — от Дома Советов до драматического театра.

— Урбанистической фишкой Перми является эспланада, но периодически у некоторых лиц возникает соблазн застроить это пространство. Стоит ли это делать, по вашему мнению?

— Раздавать советы, впервые приехав в Пермь, было бы с моей стороны чистым жульничеством. Могу лишь сказать, что есть старый инженерский принцип «работает — не трогай». Если следовать ему, то пространство эспланады можно осваивать при помощи разных урбанистических, дизайнерских ухищрений, что, кажется, уже довольно успешно делается. Вообще, привнести человеческий масштаб и какую-то человеческую жизнь в этот гигантский простор — задача безумно сложная, настоящий вызов, challenge для дизайнера. Скажем, Фестивальный дом — это временное сооружение, но заходишь в него и понимаешь, что его создавал современный человек с глазами и внятной идеей. И сразу там появляется какая-то жизнь, моло-

дые люди, семьи с детьми. А посадить на эспланаду несколько зданий было бы, на мой взгляд, абсолютно неверным решением, это её сразу убьёт. В Перми есть где развернуться, едва ли всем новым постройкам нужно «толпиться» в центре. Подлетая на самолёте, думаешь, когда же уже приземлимся: вроде город давно начался, но всё летишь, летишь и летишь. Такая протяжённость — вообще в традиции нашего градостроительства, и это создаёт кучу неудобств для обитателей, которые вынуждены изрядную часть жизни проводить в дороге — неважно, в общественном транспорте или за рулём в пробке.

Принципиальный вопрос — плотность застройки и этажность. Здесь борются два начала: с одной стороны, постоянно идёт разговор о необходимости ограничения высоты зданий, с другой — брежневская двенадцатизэтажка меня (и, кстати, многих коллег) «угнетает» гораздо больше, чем хорошо спроектированный и построенный небоскрёб на Манхэттене. А преимущества компактности понимает всякий, кому нужно 40 минут ехать из района в район.

Но это, увы, уже вопрос не только и не столько архитектурных решений, сколько градостроительной и социальной политики. Скажем, в Петербурге вокруг кольцевой дороги за последнее десятилетие было построено и строится сейчас огромное количество жилых комплексов разного уровня и качества без осо-

Привнести человеческий масштаб и какую-то человеческую жизнь в этот гигантский простор — задача безумно сложная, настоящий вызов, challenge для дизайнера

бого внимания к транспортной и социальной инфраструктуре. В результате все теперь стоят в пробках на выезд и на въезд, а школ, детских садов и поликлиник не хватает. То есть эти «муравейники» как-то решают жилищную проблему, но одновременно порождают несколько других.

— Какое впечатление произвёл на вас пермский аэропорт?

— Мне он показался нормальным современным аэропортом, где удачно сочетаются технология и дизайн. Наверное, специалист по транспортной архитектуре или человек, часто летающий

через один терминал, всегда найдёт какие-то недостатки по функциональной части, но как пассажир я ничего не заметил. Это, кстати, тоже характерно для последних лет, когда в стране стало появляться некоторое количество просто качественной архитектуры. Всякий может вспомнить свежие постройки, которые если и не представляют собой

есть и другой тип клиента — не просто постсоветский бизнесмен с комсомольским прошлым, но человек «насмотренный», поездивший по миру и образованный, знающий, чего хочет.

— А вообще уместно говорить об образцах красоты и уродства применительно к архитектуре? Или всё это дело вкуса?

— Здесь тоже существуют полюса, крайние позиции. Одни вам скажут, что есть «вечные и неизблемые законы прекрасного». Другие — что вкус — это конвенция, что он изменчив, а наша оценка вещей связана в том числе с представлением о современности. Можно не быть большим экспертом в архитектуре, но по мере увеличения «насмотренности» зритель чётко считывает, попадает или нет постройка в его образ современности, в то, как выглядит мир сегодня, в 2018 году. Это примерно как с автомобилями: вы же всегда понимаете, современная вещь перед вами или она устарела уже в чертежах. Причём это не вопрос стиля, использования того или иного языка, архитектурных форм, материалов. Можно быть актуальным с классическими колоннами, а можно строить «секонд-хенд» в стекле. Здание всегда говорит о нас, оно всегда — свидетельство. Хотите ли вы, чтобы от вашего времени в качестве визуального свидетельства сохранились именно такие образы и говорили потом нашим детям о нас, какими мы были в 2018-м?